
ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

Выпуск 11(92). 2022. Том 12

Журнал «Вопросы национальных и федеративных отношений» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по политическим и историческим наукам

МОСКВА, 2022

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Научный журнал

**Вячеслав Александрович
МИХАЙЛОВ** Председатель Совета, д.и.н., профессор,
зав. кафедрой национальных и федеративных
отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ

Редакционный Совет

**Рамазан Гаджимурадович
АБДУЛАТИПОВ** д.ф.н., постоянный представитель Российской Федерации
при Организации Исламского сотрудничества

**Любовь Федоровна
БОЛТЕНКОВА** д.ю.н., профессор РАНХ и ГС при Президенте РФ

**Владимир Иванович
ВАСИЛЕНКО** д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

**Владимир Александрович
ВОЛОХ** д.п.н., профессор Государственного университета управления

**Вадим Витальевич
ГАЙДУК** д.п.н., руководитель Центра
политико-правовых исследований АНО «Евразийский научно-
исследовательский институт проблем права»

**Владимир Юрьевич
ЗОРИН** д.п.н., руководитель Центра по научному взаимодействию
с общественными организациями, СМИ и органами
государственной власти ИЭА РАН

**Раушан Мусахановна
КАНАПЬЯНОВА** д.п.н., профессор кафедры международного
культурного сотрудничества МИК

**В. Микаэль
КАССАЕ НЫГУСИЕ** д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных
отношений Российского
университета дружбы народов

**Геннадий Яковлевич
КОЗЛОВ** д.и.н., профессор Рязанского государственного университета
им. С.А. Есенина

**Игорь Георгиевич
КОСИКОВ** д.и.н., главный научный сотрудник Института
этнологии и антропологии РАН

**Николай Павлович
МЕДВЕДЕВ** д.п.н., профессор Российского университета
дружбы народов

**Марина Николаевна
МОСЕЙКИНА** д.и.н., профессор, заведующая кафедрой истории России
Российского университета дружбы народов

**Александр Данилович
НАЗАРОВ** д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры
по научной работе Московского авиационного института

**Дарья Вячеславовна
ПЕРКОВА** к.п.н., ответственный редактор

**Александр Васильевич
ПОНЕДЕЛКОВ** д.п.н., профессор, заведующий кафедрой политологии
и этнополитики Южно-Российского института
управления – филиала РАНХ и ГС при Президенте РФ

**Дмитрий Егорович
СЛИЗОВСКИЙ** д.и.н., профессор кафедры истории России Российского
университета дружбы народов

**Шукран Саидовна
СУЛЕЙМАНОВА** д.п.н., профессор Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

**Жибек Сапарбековна
СЫЗДЫКОВА** д.и.н., профессор, заведующая кафедрой стран
Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии
и Африки Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова, заместитель главного редактора журнала

Редакционная коллегия

Главный редактор – СУЛЕЙМАНОВА Ш.С.,
д.п.н., профессор РАНХиГС

Члены ред. коллегии:

Волох В.А. (зам. главного редактора),
Сыздыкова Ж.С. (зам. главного редактора),
Перкова Д.В. (ответственный редактор),
Болтенкова Л.Ф., Слизовский Д.Е.

УЧРЕЖДЕН

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного
наследия

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-47487
от 25 ноября 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс научного
цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний импакт-фактор
журнала: 0, 369

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42
www.etnopolitolog.ru
E-mail: etnopolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Перкова Д.В.
Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 28.11.2022.
Формат 60×84/8. Объем 45.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500).
Заказ № 737

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Щипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2226-8596 (print)

12 выпусков в год и

2 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://etnopolitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70114

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2018 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «Отечественная история, этнология и этнография», «История международных отношений и мировой политики», «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая культура, этнополитика и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://etnopolitolog.ru>

Электронный адрес: etnopolitolog@yandex.ru

ISSN 2226-8596 (print)

12 issues a year plus

2 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://etnopolitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70114

Objectives and themes

Academic journal “Issues of National and Federative Relations” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2018. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “Domestic history, ethnology and ethnography”, “History of international relations and world politics”, “History and philosophy of politics”, “Political institutions, processes and technologies”, “Political culture, ethnopolitics and ideologies”, “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://etnopolitolog.ru>

E-mail address: etnopolitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Гаврилов С.О., Казьмина М.В.

Судопроизводство по гражданским делам
в начальный период становления
советской государственности (1917 – нач. 1920-х гг.)..... 4024

Орлов В.В.

Реализация реформы школьного образования
в 1950-е – 1960-е годы (на примере Ульяновской области) 4033

Блохин В.Ф.

Периодическая печать как индикатор общественно-политических
настроений и практик в период Первой мировой войны 4039

Багаутдинов Р.О.

Школа и школьное образование
в годы Великой Отечественной войны: проблемы и их решения 4053

Агарев А.Ф., Модин В.И.

Деятельность Рязанского городского совета
по улучшению экономических показателей предприятий
и городского хозяйства во второй половине 1991 и начале 1992 гг. 4061

Сенова А.Ю., Аккиева С.И.

Малая Кабарда в административно-территориальной системе
Кабардино-Балкарской автономной области в 1920-1935 годы 4073

Степанова О.Б., Галеева Н.Ф., Сумин В.В., Рябицев А.В.

Селькупы или эвенки:
об этническом составе населения Момчик..... 4081

Белая Е.Г.

Сохранение элементов традиционной культуры нанайцев
(материалы экспедиций 2019, 2021 Хабаровского края)..... 4090

Македонский А.В.

Культурно-массовая работа
в Военной академии имени М.В. Фрунзе в 1930-е годы 4097

Степанова О.Б., Тищук О.В., Сметанина Р.Е.

Погребальный обряд тазовских селькупов: новые данные 4103

Перебинос Ю.А.

Национальность и национальная политика
в отношении кадров партийно-советского аппарата
Европейского Севера России в 1930-е годы4115

Ильясов Л.М.

К вопросу о трансформации средневековых жилых сооружений
с элементами фортификации горной Чечни 4122

Закомалдин М.М.

Русская послереволюционная эмиграция
как историко-культурное явление 4130

Иванов М.А.

Гильдейское купечество России:
юридический статус и социально-правовое положение 4136

Антонов А.С.

Начало процесса десоветизации местного самоуправления
в г. Рязани – как результат августовских событий 1991 года 4144

Панин С.В.

Роль Синода в проведении предвыборных кампаний духовенства
в Государственную Думу..... 4155

Степанов А.А.

Советская авиация на международных выставках
середины 1930-х годов: взгляд из-за рубежа 4160

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Болтенкова Л.Ф.

Гимн Господу Богу (философско-религиозное исследование
в нескольких статьях). Статья одиннадцатая 4171

Григорьева К.С.

Секьюритизация: дискурсы, практики и социальная магия 4189

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Равочкин Н.Н.

Импорт политико-правовых институтов:
проблемы и поиски путей преодоления (часть 3)..... 4196

Кузнецов И.М.

Вариативность содержания
патриотической идентичности россиян..... 4204

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Эндрюшко А.А.

Иммигранты с детьми в России:
социально-демографические характеристики (начало) 4214

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Солодова Г.С.

География как фактор геополитики (на примере Евразии)..... 4224

Терентьев В.И.

Современные графические системы монгольского языка:
этнический символ и конструирование
национальной идентичности 4231

Низамова М.А., Шайдуллин И.И.

СМИ как инструмент реализации «мягкой силы»:
западный подход 4242

Адан Мохамед Абдуллахи

Бокерия С.А. The Practical Challenges of AMISOM Exit Plan/
Практические проблемы плана выхода АМИСОМ 4252

Гу Сяоянь

Анализ политики Сербии в отношении России и Европы..... 4259

Тянь Мяо

Направления международной проектной деятельности Китая
при Си Цзиньпине: краткий экскурс по основным вопросам 4266

Капустин А.С.

Нормативно-правовое регулирование борьбы
с терроризмом в США и Израиле..... 4273

Рахман А.Х.

Влияние армяно-азербайджанского конфликта
на безопасность Закавказья..... 4282

**Олувакайюде Олумиде Эммануэль, Мугаби Брайан,
Нвалие Джордж Авеле**

Security Situation in Sub-Saharan Africa: Case Study of Proliferation
of Small Arms and Light Weapons/Ситуация в области безопасности
в странах Африки к югу от Сахары: исследование
распространения стрелкового оружия и легких вооружений..... 4288

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Дибирова С.З.

Гражданский конфликт в Сирии:
этнополитическая ретроспекция 4301

Лавров Д.П.

Работа церковно-приходских школ и школ грамоты
Томской епархии на страницах официального отдела
«Томских епархиальных ведомостей» 4316

Баканина Д.А., Баранова Ю.В., Леонова А.А.

Военно-политическое сотрудничество России
и Белоруссии в эпоху глобального кризиса 4327

Локтионова Д.В., Мясников В.С., Стахно Е.В.

Коррупционная деятельность как угроза внутренней стабильности
и безопасности Республики Корея 4335

Ширшова Е.А., Штейнфельд К.В.

Изменение правовой и социальной защиты военнослужащих,
с послевоенного реформирования Н.С. Хрущева
до настоящего времени 4341

Волжанин Д.А., Джандуалетовна А.С., Марцинкевич К.А.

Динамика развития Курильского вопроса
при современных премьер-министрах Японии 4348

КОНФЕРЕНЦИИ

Сапарбекова Д.С.

Университетская суббота в ИСАА МГУ 4355

НАШИ АВТОРЫ 4358

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 4367

С.З. ДИБИРОВА

*студент Владимирского государственного
университета имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых,
Россия, г. Владимир*

ГРАЖДАНСКИЙ КОНФЛИКТ В СИРИИ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ

В данной статье рассматриваются властные и этноконфессиональные корни проблематики гражданского конфликта в Сирии, влияние ее ретроспекции на дальнейшую, этнополитическую среду САР.

Стоит отметить, что этнические и конфессиональные проблемы сохраняются, особенно в условиях снижения действенности арабской социалистической парадигмы и популяризации фундаменталистских настроений.

В условиях разгоревшегося гражданского конфликта, требование о ирреальности насильственного доминирования одной группы над другой стало невозможным.

При этом, не считая физического ущерба, наносимого культурной самобытности в ходе политико-военнизированных противоречий, встает вопрос морального, когда ради личной безопасности необходимо соотносить себя к преобладающему большинству. Данная тенденция реализуется в традиционных государствах в принципе, но в арабских странах в последние годы это возвышается. И Сирия не стала исключением.

Ключевые слова: *гражданская война, этнополитика, алавизм, суннизм, Сирия, Башар аль-Асад.*

Весомую часть для культурного и социального разделения в каждом из обществ, а особенно арабском, играет религиозный фактор. Однако, догматика алавитского течения не является единственным компонентом и инструментарием сохранения собственной специфики. Объясняется данный феномен отсутствием стремления к прозелитическим действиям, что, в целом, не характерно для других исламских общин и течений.

На исторической территории Сирии, а также приграничных ей государств (5), всегда существовало представительство алавитов в лице

обширных по своей численности кланов, обладавших определенной долей властных полномочий. При этом, существовала проблематика их взаимодействий с прочими конфессиональными единицами, так как третьи стороны, в лице турецкого правительства и египетских феодалов нарушали возможности мирного сосуществования, подогревая теоретические факторы этнической отличности алавитов от, преимущественно, арабских исмаилитов (4) и друзов (3).

Ввиду неясности культурного и этнического происхождения алавитов, некоторой мифичности их ранней, арабистической риторики, друзы, в момент очередной расправы над алавитскими племенами, отказали в каком-либо содействии по причине озабоченности своим положением и выстраиванием историко-культурных связей с Соединенным Королевством. При этом, понимание шаткости занимаемых ими позиций привело к тому, что, в конечном итоге, друзы нашли способ связаться с властями.

Благодаря этому, удалось снизить темпы и рост расправ на почве культурных и религиозных противоречий, не позволив репрессивным действиям достичь до масштаба геноцида. Однако, весомая часть духовной алавитской привилегированной массы сократилась на территории всего Леванта. Носители данной, несколько мистической культурной основы, сохранили свое влияние лишь в регионе Латакии. И хотя Латакия представляла из себя главный порт Сирии, возможности транзита алавитского влияния не представлялось, что, в конечном итоге, сосредоточило последователей данного течения в области с древнейшей столицей, городом Дамаск, во главе.

Тенденция некоторой обособленности сохранялась вплоть до XX века, ибо в условиях пантюркизма и турецкого влияния в общности алавитам, отличным от большей части их феодалов по всем культурным признакам и, по некоторым данным, имеющим отношение к киликийским армянам, доступа к безопасной жизнедеятельности вне мер предосторожности не было. Так или иначе, на сирийской территории, до 30-х годов прошлого столетия, алавиты осознавали свое неравенство по сравнению с арабами суннитского толка и даже христианами, составлявшими около десяти процентов населения.

Выше упоминалась особая роль некоторых алавитских кланов в разрешении возникавших, жизненно важных вопросов. К такого рода семейственным группам можно было отнести ветвь аль-Вахш и ее главу, Али-Сулеймана, выходца из Кардахи.

Али-Сулейман, являясь религиозным авторитетом в своих кругах, а затем и вождем алавитского племени Кальбийи, один из немногих был подкован в интеллектуальном и образовательном плане. Ввиду необходимости разрешения вопроса разграничения территории, Али-Сулейман выступил инициативным деятелем во взаимодействии с мандатарием – Францией.

Спецификой мандатного управления европейских государств, в частности, французского, являлось сопоставление и объединение антагонистических друг другу социальных пластов, вследствие чего и возникла алавитская проблематика.

В 1936 году в архив Министерства иностранных дел Франции поступило письмо, адресованное премьер-министру того времени, Леону Блюму. Содержательная база была сконструирована сирийским меньшинством алавитов, среди которых значился и Али-Сулейман Асад. Основным тезисом выступало обоснование необходимости создания полиэтнического и поликонфессионального общества в государстве по образцу европейских держав.

В научном сообществе существовали разногласия по поводу реального существования данного послания, в особенности подпитывались настроения о мифичности документа Стефаном Винтером, специализирующимся на турецкоподчиненной Сирии. Однако, ливанская газета Ан-Нахар, без указаний в заголовке, опубликовала его на своих страницах [9], что подтверждает его действительность с арабской точки зрения.

Для конкретизации поставленной проблемы, инициированной письмом, стоит разобрать основополагающие его пункты. Главной тезисной линией является указание на многолетнюю независимость алавитского народа, проживающего в западной части Сирии от остального народа. Культурно-конфессиональные, традиционные отличия и жертвенность в борьбе за сохранение собственной идентичности выступают ключевым компонентом первого раздела.

Второе положение знаменовало отличность алавитской ветви от общего исламского комплекса, принятого за официальную религиозную догму Сирии [9]. Нежелательность присоединения к мусульманской части страны обуславливалось тем, что отсутствие мандатного надзора приведет к возможным геноцидным актам, которые будут соответствовать букве Корана в отношении алавитов. То есть, косвенное присутствие Франции будет означать безопасность данной народности на сирийской территории.

Личностный мотив наиболее наглядно продемонстрирован в следующем пункте послания, в котором подписанты просят о наблюдении и контроле над киликийскими, аскадронскими и ансарскими семьями исламского толка. Киликия была выбрана неслучайно – в теоретическом плане алавитов нередко связывали с потомками киликийских армян, и, следовательно, находившиеся там представители конфессионального общества подвергались большому риску. Провозглашение парламентского режима Сирии [5] не придавало взаимоощущения будущей законности проводимой режимом деятельности. Алавитские лидеры воспринимали его, как некоторый фасад, не имеющий под собой оснований, и, следовательно, выражали опасения по поводу личной свободы под гнетом религиозного фанатического преследования со стороны большинства.

Дальнейшее положение формулируется некоторой консервативностью арабских мусульман [9], которая, вкупе с фанатичностью, позволяет создавать питательную среду для резкой дифференциации культурных и религиозных особенностей. Следовательно, возможности на видоизменение ситуации нет, даже в случае, если аннулирование мандата будет сопровождаться провозглашением о свободе мысли и вероисповедания. Доказательством служат указания о действиях дамасских мусульман, влияющих на жителей еврейских поселений посредством ограничения их содействий соплеменникам в Палестине.

Вероятность союзности Палестины и Сирии, а, вернее, их исламских частей, преподносится, как нежелательная для национальных меньшинств, проживающих на тех территориях, и, к тому же, подогревающая настроения против мандатариев данных областей.

Ввиду социалистического компонента французского правительства, подписанты письма так же указывают на призрачность возложенных на Сирию целей. Отстранение от сирийских дел означает «расцвет духовного феодализма», а также националистические проявления со стороны мусульманского большинства. Али-Сулейман Асад говорит, что: «для алавитского меньшинства – это прямая угроза самому существованию, угроза подчинением и разрушением».

В заключении алавитские лидеры указывают, что для сирийской ментальности исламского толка какие-либо официальные договоренности не имеют значения, ровно, как и пункты, в которых оговариваются права меньшинств. Поэтому подчеркивается необходимость почти физического отделения от мусульман, создание малого, но независимого государства алавитов под руководством, собственно, французских социалистов и французского правительства в общности.

Преподносимая склонность к маргинализации подчиненных групп со стороны сирийцев и религиозный фанатизм, в сути своей, вынуждали к прибегнуть к вспомогательному влиянию третьей стороны, в данном случае, Франции. Тезис не лишен практической достоверности, так как в арабской среде патриархальность, а, следовательно, иерархичность, частое явление. Угнетенность положений при явном доминировании наиболее вероятно [11. С. 153].

К тому же, закрытость алавитского общества от прямого взаимодействия со стороны других групп не создавала предпосылок для возможных союзов и выстраивания равноправных культурных взаимоотношений. Выдержав притязания халифов, потомки алавитской общины были настроены либо на независимость от большинства, либо на управление им, дарованное им, в конечном итоге, в конце 60-х годов.

Стремление алавитов к сохранению культурной самоидентичности стало катализирующей силой в борьбе за власть. Помимо этого, только

властные полномочия могли дать им практическую возможность существовать без явного угнетения со стороны. При этом, сохранность внутреннего культурного и религиозного элемента, но возможность и готовность демонстрации обратного в дальнейшем сделали алавитов наиболее приемлемыми для диалога с представителями иных исламских и неисламских ветвей.

При этом, взаимоотношения с суннитским правительством было напряженным, попытки выйти из любых подчиненных взаимоотношений инициировались на постоянной основе, что, в целом, подтверждает тезис алавитов о традиционном представлении власти сирийского общества, а, следовательно, и затруднительности культурного диалога в равных положениях. Отход от контроля со стороны иного государства позволил, с одной стороны, укрепить исламские позиции, но с другой – усугубить взаимоотношения с иными религиозными формированиями.

Суннитское и шиитское течения представляли собой конфликтогенную зону для мусульман еще с VII века, когда возник вопрос наследования Мухаммеду. Противостояние, носившее в первоначальном этапе политический характер, вскоре приобрело конфессионально-догматический. Расхождения в трактовании священных писаний и отношении к иноверцам предопределили дальнейший раскол.

В то же время, в Сирии существует своя специфика борьбы. Так как Дамаск, своего рода, сосредоточение религиозного разнообразия, то необходимость соотносить друзов, исмаилитов или алавитов с какой-либо более крупной группой, для понимания происходящих событий, разграничивает их под черту шиизма, так как под суннитские фундаментальные основы они не подходят. При этом, существует принцип «такийя», которого придерживаются некоторые шиитские ветви. Его соблюдение позволяет участвовать в различных мероприятиях других вероисповеданий, но сохранять «истинную веру в сердце».

В суннитской среде такое невозможно, демонстративность мер соблюдения предписанных божьих законов почти обязательна. В связи с этим, вероятно некоторая кардинальность их масштабов распространения. Особенно часто углубление в духовное воспитание происходит в странах с определенными проблемами политического, экономического и социального толка. В этом плане Ближний Восток являет собой концентрацию радикальных проповедей, подкрепленную массами исламистов-фундаменталистов. В Сирии это реализуется по причине как права голоса более либеральных мусульманских слоев, так и уважения христианских святынь и праздников.

Помимо этого, формирующиеся различные течения в суннизме, в том числе ваххабизм, считают своей задачей очищения исламского общества от различных компонентов этнического или культурного множества, влияющего на уклад жизни

С этнографической точки зрения, данная организационная направленность нова и основывается на более традиционном салафизме [3. С. 390].

На сирийской территории наиболее ярким примером катализатора внутриобщественного раскола выступала организация «Братья-мусульмане» [10. С. 103].

Что примечательно, так это нарушение ими суннитско-салафитской догматики – любое разделение политического характера внутри исламской общины строго порицалось, необходимо было пользоваться услугами муджахидов [1. С. 445]. Однако, тенденция на социалистическое устройство и постепенное стирание границ между мусульманскими «школами» привели к некоторому возмущению, а затем и активным действиям со стороны организации. Для традиционалистов было важным подчеркнуть, как шариатское, так и конституционное право в Сирии, которое предполагало президентскую власть в лице мусульманина. Признавать панарабистов таковыми, в особенности алавитов, они отказывались, ввиду того, что обращались, в основном, к Корану и Сунне в качестве инструмента разрешения любых конфликтов, в том числе и идеологического характера.

В этот момент шиизм выступил в качестве проводника закрытых ответвленных религиозных общин. Имам Муса ас-Садр и аятолла Хакими из Тегерана в 1973 году объявляют, что по канонам алавиты являются представителями шиитской ветви ислама.

Ввиду сирийско-иранских дипломатических отношений, выстроенных после исламской революции, шиитская догматика, будучи, все же, в меньшем количестве, стала более показательной. Данная возможность возникла по причине большего расположения к внешнему влиянию и отсутствию столь резких, категоричных форм, присущих некоторым суннитским мазхабам.

Диалоговая составляющая суннитских и шиитских слоев в Сирии возможна лишь при наличии светского элемента, помогающего выстроить систему взаимосвязей. В практическом плане это встречается только в интеллигентных и, преимущественно, зажиточных кланах, имеющих обоюдный интерес. Суннитско-шиитская проблематика конфликта заключается в том, что большинство граждан ищет утешения в духовном начале [1. С. 445], и, следовательно, радикализует свои взгляды, вне зависимости от течения, эскалируя уже существующие проблемы при помощи «божьего слова».

Углубляясь в политическую реализацию существующих религиозных споров, стоит отметить продолжение влияния семьи аль-Асад на расстановку культурно-конфессиональных сил. Баасистское влияние на повестку различных государств Ближнего Востока привело к становлению блоковой системы, одной из которых являлась параллель «Египет-Сирия».

Стоит отметить, что ее целесообразность продолжалась по мере пребывания Гамалея Абделя Насера у власти. Однако, в среде внутренней

этноконфессиональной, культурно-политической и территориальной неоднородности, риторика объединения арабской нации вне учета их различий и схождения на почве единого лингвистического и общекультурного, доисламского компонента, должна была показать себя с наиболее благоприятной стороны.

В некотором роде, панарабистическая идеология выполняла свою задачу. До того момента, как ее постулаты пересеклись с алавитскими интересами Хафеза Асада, ибо даже в светской идеологии оказался религиозный концепт, закрепленный не в документальном плане, но в действительности.

В большинстве ближневосточные страны представляют из себя систему религиозно-единый пласт, носящий суннитский характер как на низших уровнях, так и в эшелонах власти.

В данном случае, после революций 1963 и 1966 годов, когда около восьмидесяти процентов населения исповедуют суннизм, но около десяти процентов занимают представители алавитско-шиитской направленности в силовых и специальных структурах, и высших государственных постах, вероятность повышения уровня конфликтности возрастает. К тому же, союзники по арабскому социализму явно демонстрировали, что представляют благоприятными для своих действий только суннитские мазхабы ислама, а дружественные отношения с иранским шиизмом считают неприемлемыми.

Кризисность ситуативного комплекса социальных, религиозных и политических желаний привели к тому, что нетерпимая среда доминирования меньшинства над большинством порождает возможность насильственного подавления масс и, в итоге, формирования репрессивных рычагов, которыми может воспользоваться власть. В контексте складывающихся внутригосударственных обстоятельств и единоличного режима власти, для Хафеза Асада встала необходимость легитимизации собственного религиозного компонента.

Как упоминалось выше, шиитские деятели Муса ас-Садр и аятолла Хакими признали за алавизмом исламскую подоплеку, хотя на деле алавизм ближе к христианской парадигме. Данный момент представлял исключительное правовое значение – возглавлять Сирию мог лишь мусульманин [5], следовательно, возникла необходимость сокрытия истинности. В этом культурная особенность алавитов, то есть таковая, проявляется наиболее наглядно. Однако, необходимы и иные, более физические механизмы, чтобы обратить иерархичность вероисповедания в Сирии в наиболее безопасную для Асадов и лояльных ему алавитов сторону.

Для этого инициируется институт так называемого «глубинного государства», при котором настоящая власть находится у алавитов, а внешняя у суннитов. Спецслужбы доверяются Рифату аль-Асаду, в то время как гвардия и полки переходят к Джемалю аль-Асаду. Принцип клановости сохраняется и развивается, только кардахские алавиты получают ту долю власти,

о которой не мыслили при предыдущих режимах. Доля христиан также получает полномочия, но, опять же, они более фасадны.

То есть, возникает проблематика ведения личной власти и идеологического умиротворения со стороны конфессионального большинства, недовольство которых усиливалось деятельностью упомянутой организации «Братья-мусульмане». Сложившаяся из беспомощности в культурно-идеологическом плане авторитарность власти позволяла нейтрализовать воздействие на духовную составляющую суннитов преимущественно насильственным путем.

Помимо этого, формировалась политическая элита из соображений преданности и близости президенту, причем, конечно, основным условием было алавитское мировоззрение. Только вице-президент Абдель Халим Хаддам и министр обороны Мустафа Тлас, будучи суннитами, могли находиться на своих постах и пользоваться личной поддержкой Хафеза Асада.

Однако, автономию традиционалистские исламские слои потеряли окончательно, суннитские «карты власти» сменились на алавитские. Межэтнический и межконфессиональный раскол нарастал, сменяя сбалансированность политических элит.

Во избежание обострения коллизии положения, вводились определенные квоты на представительство иными этническими группами, в частности из Алеппо, ввиду множества аристократических семейств, проживавших там и имеющих более секулярные взгляды. Оценка данных мероприятий неоднозначна, так как анклавность проживающих религиозных и народных групп способствовало дестабилизирующей обстановке в стране.

Так как фундаменталистская и панарабистическая идеологии более не подходили под запросы как государства, так и правящего меньшинства, возник вопрос в формировании новой идеи. И основой ее выступал так называемый «официальный национализм», снижающий дифференцирующие людей значения и возвышающий сирийскую гражданственность как единственно верный подход к мирному сосуществованию.

Разработка данного подхода была несколько затруднительна, ибо политические, и, что чаще, это были одни и те же лица, конфессиональные враги режима Асада находились в заключении, не имея доступов ни то, что к рычагам власти, а к открытой жизнедеятельности в принципе, выступая для различных традиционалистов в роли мучеников алавитского режима.

В частности, данная тезисность подогревалась и со стороны соседних государств, к примеру, Ирака. Саддам Хусейн, видевший в Асаде соперника и союзника иранской стороны, еще в 1979 году заявлял, что предпринятый против него заговор инициировала Сирия. Отправленные сирийским президентом начальник Генерального штаба и министр иностранных дел

прибыли из Багдада с видеоматериалами, на которых были запечатлены показания одного из свидетелей.

На данную меру Хафез Асад ответил протестом, заявив о необходимости разрешения подобных спорных моментов в Лиге Арабских Государств, однако Хусейн отказался, не признавая ее авторитетности. Момент был политический, ибо стояла возможность в объединении Сирии и Ирака под руководством Ахмеда Хасана аль-Бакра и Хафеза Асада.

В подобном случае, властные полномочия Саддама существенно сокращались до сугубо демонстрационных, без реальных рычагов. Это его не устраивало, в связи с чем он, суннит по происхождению, наблюдая за религиозными распрями в Сирии искал возможность через конфессионально-этнический механизм повлиять на само нахождение Асада у власти.

Понимая, насколько сильны радикальные настроения исламистов-суннитов, Хусейн поддержал повстанческую акцию в городе Хама в 1982 году, в котором алавитское правящее руководство было расстреляно. Суннитское доминирование не было долгим – вскоре подразделения Рифата Асада подвергли физическому уничтожению всех демонстрантов. Выдвинутые Хафезом обвинения против официального Багдада подтверждались как показаниями арестованных, так и множеством единиц оружия иракского производства, перехваченных транспортными военными конвоев. Помимо этого, Хусейн финансово обеспечивал деятельность «Братьев-мусульман», подогревая их революционные и радикальные настроения [8. С. 21].

То есть, стороннее влияние на эскалацию гражданского конфликта присутствовало, причем в достаточном объеме. Вступление в открытое противоборство в планы Ирака не входило, но продолжительное экономическое содействие в целях уничтожения политического оппонента и его религиозно-этнического плацдарма являлось частью геополитической риторики.

Подобные меры подавления, использованные вследствие созданных провокаций, были ясны для алавитских властьдержателей, однако жестокость обеих сторон конфликта породила еще большую неясность в возникшей ситуации. Возможности наладить общую риторику взаимоотношений приобретали более призрачный характер.

Помимо этого, в рядах самого клана Асад возникли противоречия. Рифат Асад претендовал стать следующим руководителем Сирии, подкрепляя свои амбиции через иных алавитских представителей спецслужб или военных формирований [7. С. 336]. При наличии разногласий в одной конфессиональной среде, наладить коммуникационные связи с иными, более отличными по своим признакам, представлялось в разы сложнее.

К 1984 году, после неудачной попытки свержения Хафеза Асада, Рифат и его сторонники, в зависимости от вовлеченности в процесс, находились либо в заключении, либо в полном отстранении как от дел государства, так

и от дел общины. Алавитское начало в Сирии начало ослабевать, из-за чего ему на смену пришел династический принцип.

Подготавливая в преемники сына Басиля, Асад столкнулся с противоборствующей риторикой союзников по региональному командованию. Абдель Халим Хаддам говорил о противоречии устоям арабского социализма при возможности подобного трансфера. Однако, как отмечалось в исследовании ранее, Хафез Асад более не считал панарабистическую идеологию подходящей под условия и типаж руководства [6. С. 285].

С переходом права наследования Башару Асаду, прибывшему из другой культурной среды, перед сирийским президентом встала задача формирования лояльных продолжателю концепта формирований, как силового, так и политического планов.

Это позволило существенно обновить алавитскую фракцию в правящих кругах, привнеся тем самым в блок факторы на дальнейшее существование подобной этнорелигиозной обстановки. При этом монархическая окрашенность данных манипуляций была встречена резким осуждением со стороны как привилегированных, так и подчиненных слоев общества.

В конечном итоге, деятельность Хафеза Асада, даже после кончины в 2000 году, прямым образом отражалась на каждом политическом шаге Башара Асада [2. С. 163]. При нем конфликтогенность ситуации переросла предыдущие масштабы, несмотря на ряд предпринятых мер и политику либерализации в отношении подвластных культурно-национальных пластов.

В идее «преемственности ради реформ», сирийский лидер инициировал посещение Алеппо, которое после мятежных настроений «Братьев-мусульман» находилось вне зоны покровительства центрального управления, превратившись в своеобразное белое пятно на карте. Помимо этого, активисты из упомянутой организации, при условии отсутствия отягчающих обстоятельств были освобождены из заключения, а вместе с ними и ряд суннитских последователей [6. С. 285].

Шаги к демократизации существовавшего режима не приветствовались алавитской политической базой, так как их надежды заключались в продолжении тенденций жесткой централизации и контроля. Консервативное крыло правящей партии выражало сомнения по поводу целесообразности столь быстрых реформ, говорило о дестабилизирующей роли преобразований в политическом и экономическом плане [4. С. 186].

При этом, несмотря на большую открытость, чем в предыдущие годы, Сирия все еще находилась под плотным контролем режима. В отличие от Хафеза Асада, Башар Асад провозглашал необходимость этнокультурного плюрализма и равенства.

Вопреки послаблению действующих рычагов власти, на территории Сирии постоянно формировались организации оппозиционного плана,

призывающие к смене власти как через демократические, так и через силовые преобразования – это и активисты так называемой «Дамасской весны» (1), и сторонники «Дамасской декларации» (2), и уже известные «Братья-мусульмане». При этом, какого-то серьезного влияния на территории государства никто из них уже не имел.

Принципиальным подходом Асада заключалось в отсутствии насаждения арабской культуры на любой пласт неарабского населения Сирии, ассимиляция воспринималась как негативный, насильственный инструмент, продемонстрировавший свою неэффективность и пагубность в Дамасскую весну. При этом, ввиду внутривосточной размытости и внешнеполитической нестабильности, проводить политику полноценного межкультурного диалога не представлялось возможным, хотя главной задачей правительства являлось превращение Сирии в «особую ближневосточную политическую систему», с учетом местных традиций и плюралистической повестки.

Однако, в ходе Арабской весны, захлестнувшей все страны Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки, выявились требования исламистов, выразившиеся в виде погромов и демонстраций в Дарья. Башар Асад транслировал мнение, что все беспорядки, возможные в данный период, являются собой лишь контролируемый хаос, выгодный зарубежным странам, отмечая, цитата, – «там, вне существующих институтов, почти всегда проливается кровь».

Стоит отметить, что этнические и конфессиональные проблемы сохраняются, особенно в условиях снижения действенности арабской социалистической парадигмы и популяризации фундаменталистских настроений.

В условиях разгоревшегося гражданского конфликта, требование о ирреальности насильственного доминирования одной группы над другой стало невозможным.

При этом, не считая физического ущерба, наносимого культурной самобытности в ходе политико-военнизированных противоречий, встает вопрос морального, когда ради личной безопасности необходимо соотносить себя к преобладающему большинству. Данная тенденция реализуется в традиционных государствах в принципе, но в арабских странах в последние годы это возвышается. И Сирия не стала исключением.

Христианские представители сирийской нации оказались перед выбором политическим, а на деле – перед выбором сохранения самоидентичности или сохранения жизни. Ввиду концепта жесткого насаждения фундаменталистами своих взглядов и организационных мер в обществе, христиане примкнули к рядам действующей власти, лишь по той причине, что она не продвигала сугубо исламскую риторику.

Большая часть суннитов представляет собой оппозиционный блок, готовый сотрудничать с различными группировками для борьбы за восхождение «правомерного правителя». Ибо если алавизм для них является ересью,

то алавит на руководящей должности становится главной причиной любых социокультурных и экономических бед.

Шииты с совокупности с алавитами сохраняют провластные позиции по причине как государственных полномочий, так и идеологической составляющей, в которой традиционный исламский подход представляется как нечто архаичное.

То есть, несмотря на общность множества религий в самой Сирии по ретроспективным причинам, факторы современности повышают разделение культур друг от друга, их взаимонеприятие и закрытость от влияния [11. С. 153].

Ввиду опасности радикального ислама, террористической угрозы, экстремистской деятельности, высокой политической напряженности внутри государства и в их внешнеполитической повестке Ближний Восток, и Сирия в частности, предстает как зона повышенного риска и гибельности в концептологическом понимании.

Проблематика гражданского конфликта, выражающего свои истоки в нетерпимости к свободному вероисповеданию и отличному от больших масс национально-этническому элементу, заключается в культурной составляющей.

По мере исследования, можно отметить стороннее влияние, подчеркивающее различность сирийских граждан между собой, а также различность между подчиненным и верховным слоями общества. Однако, авторитарность режима является почти отличительной чертой многих государств в XX веке.

Следующее столетие позволяло выдвинуть тезисность о возможности полного переосмысления культурного компонента Сирии, ввиду всеобщей тенденции на либерализацию и взаимоинтеграцию. Но ближневосточный регион, терзаемый проблемами более вещественного характера, не мог выдавать склонность к терпеливости над реформаторской деятельностью, желая изменений сразу.

Если для алавитов вопрос власти являлся жизнеобеспечивающим, то для радикальных исламистов это – вопрос принципа. Концепт «чужого», соотнесенного с президентом Башаром Асадом, показался наиболее конструктивным большей части фундаменталистских масс и, конечно, это один из основных камней преткновения, не позволяющих прийти к конструктивному диалогу. А пока политическая основа не будет налажена, говорить о равном межкультурном взаимодействии внутри государства нельзя.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Дамасская весна – ряд политических и общественных процессов в Сирии, которые прошли в условиях политической нестабильности,

наступившей в связи со смертью президента Хафеза Асада в июне 2000 года и продолжавшиеся до осени 2001 года.

(2) Дамасская декларация – заявление о единстве сирийской оппозиции, опубликованное в октябре 2005 года. Она критиковала сирийское правительство династии Асадов как «авторитарное, тоталитарное и кликабельное» и призывала к «мирным, постепенным» реформам, «основанным на согласии, диалоге и признании другого».

(3) Друзы – арабы, исповедующие друзизм, религию, которая ранее являлась одним из ответвлений шиитской секты исмаилитов, однако в XI веке откололась от нее и прекратила конфессиональные контакты с исмаилитами еще в Средние века, претерпев в последующем значительные изменения. Друзы окончательно сформировались незадолго до утверждения мальтийского ордена, так как с 1043 г. религия окончательно закрылась для непосвященных. Что же касается непосвященных, то им даже не позволяют взглянуть на священные писания друзов, и никто из них не имеет ни малейшего представления о том, где они хранятся.

(4) Исмаилиты – совокупность религиозных движений в шиитской ветви ислама, восходящих к концу VIII века. Каждое движение имеет свою иерархию имамов. Титул имама низаритов, самой крупной и известной общины исмаилитов – Ага-хан – передается по наследству. От других мусульман исмаилиты отличаются очень сильно: они признали свободную волю, поощряли разумное толкование Корана, отбросили шариат и предельно упростили обряды, таким образом уйдя от «исламской глобализации» и позволяя обращенным народам оставаться такими как есть, что способствовало распространению исмаилитства на перифериях. Однако, при этом, иерархия исмаилитизма очень жесткая.

(5) Территория так называемого Леванта, включающая в себя земли стран восточной части Средиземного моря, в более узком смысле – Сирии, Палестины, Израиля и Ливана. Используется в широком обороте с 1497 года.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дубровская О.Н.* Древние религии мира. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. ISBN 5-7905-1747-1.

2. *Камраков А.А.* Этноконфессиональные меньшинства в политическом процессе на Ближнем и Среднем Востоке: особенности институционального развития и диаспоральной деятельности: дисс. ...канд. полит. наук: 23.00.02 – *Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ННГУ)*. Нижний Новгород, 2009.

3. *Кирей Н.И.* Этнография арабов Передней Азии и Северной Африки. Краснодар: КГУ, 1996. ISBN 5-230-07791-3.

4. *Кожмяк Н.С.* Социально-экономическое и политическое развитие мусульманских общин Сирии в 1970-2010 гг.: дисс. ...канд. истор. наук: 07.00.03 – Московский государственный институт международных отношений. Москва, 2019.

5. Конституция Сирийской Арабской Республики от 23 марта 2012 года // <https://constitutions.ru/?p=7027>.

6. *Ланда Р.Г.* Политический ислам: предварительные итоги. М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2005. ISBN 5-89394-146-2.

7. *Люттвак Э.Н.* Государственный переворот. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. ISBN 978-5-91244-197-4.

8. *Млечин Л.М.* Евгений Примаков. Человек, который спас разведку. М.: Алгоритм, 2015. ISBN 978-5-906798-33-6.

9. Письмо Али-Сулеймана и других алавитских лидеров, 15 июня 1936 года // <https://www.annahar.com/arabic/-الأسد-بحث-الارشيف=?>

10. *Плотников В.В.* Основы ислама. Силы и движения в Сирии. Международные террористические организации. М.: Дирижабль, 2019. ISBN 978-5-9216-2306-4.

11. *Тавлеева С.Г.* Проблема веротерпимости в религиозном арабском дискурсе: дисс. ...канд. философ. наук: 09.00.14 – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (РГПУ). Санкт-Петербург, 2011.

S.Z. DIBIROVA

*Student of the Vladimir State
University named after Alexander Grigorievich and
Nikolai Grigorievich Stoletov,
Vladimir, Russia*

CIVIL CONFLICT IN SYRIA: ETHNO-POLITICAL RETROSPECTIVE

This article examines the power and ethno-confessional roots of the problems of the civil conflict in Syria, the impact of its retrospection on the further ethno-political environment of the SAR.

It is worth noting that ethnic and confessional problems persist, especially in the context of the decline in the effectiveness of the Arab socialist paradigm and the popularization of fundamentalist sentiments.

In the context of the outbreak of civil conflict, the demand for the unreality of the violent domination of one group over another became impossible.

At the same time, apart from the physical damage caused to cultural identity in the course of political-military contradictions, the question of morality arises when, for the sake of personal security, it is necessary to relate oneself to the prevailing majority. This trend is realized in traditional states in principle, but in the Arab countries in recent years it has risen. And Syria is no exception.

Key words: *civil war, ethnopolitics, Alavism, Sunnism, Syria, Bashar al-Assad.*